

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

УДК 070

Историческая информация в современной российской прессе: языки медийной репрезентации

М. А. Воскресенская

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Воскресенская М. А. (2022). Историческая информация в современной российской прессе: языки медийной репрезентации. *Медиалингвистика*, 9 (4), 288–308.
<https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.401>

Рассматриваются языки медийной репрезентации истории, под которыми понимаются подходы к подаче исторической информации, встречающиеся в современной российской периодической печати. Предложена оригинальная классификация таких подходов, включающая научный, квазинаучный, вненаучный, псевдонаучный языки репрезентации. Каждый из них как совокупность средств выражения мысли и ее оформления в медиатексте подвергнут комплексному анализу с применением лингвистического, типологического, интенционального, компаративного, контекстового компонентов с целью оценить степень их опоры на научно-исторический базис. Необходимость такого анализа вызвана тем, что медийный дискурс истории не исчерпывается популяризацией научно-исторического знания, но критерием достоверности исторической информации, транслируемой через СМИ, является ее научная обоснованность вне зависимости от внешней формы репрезентации. В задачи исследования не входило выяснение идеологических позиций или историографических версий, представленных в анализируемых текстах. Работа сфокусирована на медийной подаче исторической информации, прежде всего на интенциях автора, стиле изложения и характере аргументации при осмыслении и объяснении данных. Материалом для исследования послужили выборочные публикации на тему истории из текущей российской периодической печати (февраль — апрель 2022 г.). Показана зависимость характеристик языка репрезентации от типа издания, профессионального статуса автора публикации, мотивов его апелляции к истории и ряда других факторов. Сделан вывод о том, что на практике редко используется какой-то единственный подход в его полномасштабном формате. Как правило, в медиатексте можно выявить элементы тех или иных языков репрезентации истории в различных сочетаниях при доминировании общего публицистического стиля изложения.

Ключевые слова: медиадискурс истории, научно-историческое знание, языки медийной репрезентации, медиатекст, периодическая печать.

Постановка проблемы

Журналистские задачи по освещению научной жизни ассоциируются прежде всего с изложением добытых учеными сведений на языке, доступном пониманию массовой аудитории, т. е. они сводятся, так сказать, к переводу с академического на популярный. Однако при отражении той или иной отрасли знания в публичной сфере могут заявлять о себе и нюансы, связанные с ее дисциплинарной спецификой. Так, медийный дискурс истории отнюдь не исчерпывается популяризацией научно-исторического знания — он гораздо разнообразнее и далеко не всегда движим исследовательскими или просветительскими интенциями. Вместе с тем высший уровень в структуре исторического сознания занимает именно научная рефлексия. Поэтому критерием достоверности, надежности исторической информации, транслируемой через СМИ, следует признать ее научную обоснованность вне зависимости от формы подачи.

История (в академическом смысле) — это наука о прошлом. Во всем его многообразии, во всех возможных его аспектах и взаимосвязях, включая проявления прошлого в настоящем. Историческая наука (и вообще любая форма постижения истории) отмечена парадоксальным штрихом: ее объект — прошлое — недоступен для непосредственного наблюдения исследователя. Историческое знание всегда носит опосредованный характер: былое воспринимается и осваивается человеком через оставленные кем-то сообщения и толкования. Работа историка заключается не в описании и последующем анализе того, что он увидел собственными глазами, а в реконструкции и объяснении уже исчезнувшей социальной действительности на основе анализа и сопоставления разного рода источников («следов» прошлого). При этом ни письменные тексты, ни устные свидетельства, ни материальные артефакты сами по себе не раскрывают в окончательном виде хода и смыслов исторических событий и процессов — все это восстанавливается и интерпретируется учеными посредством научно признанных методик.

Важно понимать, что история обречена на постоянное переписывание, поскольку выявление прежде неизвестных источников, возникновение новых трактовок исторического материала меняют картину прошлого в нашем сознании. Тем не менее конечная цель науки остается неизменной — установление объективной истины. Историческую науку не следует смешивать с исторической (коллективной, социальной, культурной, etc.) памятью — это разные социокультурные феномены, несмотря на наличие у них общего генерального объекта внимания. Справедливо подмечено: «Историческая память — понятие многозначное, понимается прежде всего как одна из форм знания о прошлом и представляет собой совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума» [Мысливец 2022: 427]. Память субъективна, подвержена абберациям, и в силу этого она легко становится инструментом манипуляции прошлым, которое при отсутствии научных подходов к его осмыслению уже не реконструируется, а конструируется. Подобные манипуляции широко применяются различными акторами, определяющими в обществе политику памяти и использующими ее в сво-

их конъюнктурных интересах, поскольку «контроль над памятью является формой власти» [Hirsch 1995: 23].

Одним из ведущих ресурсов формирования исторического сознания современного общества становится журналистика. Не приходится спорить с тем, что она «играет существенную роль в (вос)производстве массовых исторических представлений и коллективной памяти» [Завадский, Дубина 2021: 99]. При этом далеко не всегда медийные апелляции к истории связаны с научным контекстом, более того, сами цели обращения к прошлому у науки и журналистики сильно разнятся. Для ученого главное — это получение нового и достоверного знания, для журналиста — распространение актуальной информации и воздействие на общественное мнение.

Объективность исторического исследования обеспечивается рядом непреложных требований, среди которых особое место занимают верифицируемость всех данных и результатов, а также строгое следование принципу историзма, т. е. истолкование и оценка исторического явления исходя из конкретных условий его эпохи. С этих позиций профессиональное научно-историческое сообщество настаивает (пусть на практике и не всегда успешно) на недопустимости каких-либо внешних конъюнктурных вторжений в исследовательскую работу. В частности, в 2005 г. французские историки выступили в прессе с коллективным обращением под заголовком «Свободу истории», где выразили свой протест против официальных регламентов, предписывающих некое «правильное» понимание истории: «История не религия. Историки не принимают никаких догм, не соблюдают никаких ограничений, игнорируют любые табу. Историческая правда отличается от морали. Задача историка не превозносить или обвинять, а объяснять. История не рабыня современных проблем. История не память. История не юридическая проблема. В свободном государстве ни парламент, ни суд не имеют права устанавливать историческую правду» (цит. по: [Курилла 2022: 153]).

Журналистские интерпретации прошлого могут опираться на научные данные, но могут и содержать искажения. Многое здесь зависит не только от уровня компетентности автора, но и от целей его обращения к историческому материалу (просветительских, идеолого-пропагандистских, развлекательных и пр.) [Зверева 2004; Conboy 2012; Edy 1999; Hoskins 2018; Kitch 2018; Wijermars 2018; Zelizer, Tenenboim-Weinblatt 2014]. Историческая информация в СМИ зачастую подчеркнута актуализируется. Прошлое интересует участников широкого публичного дискурса не как самодостаточный предмет для аналитики, но рассматривается прежде всего как исток современности и ключ к пониманию ее проблем. Нередко оно откровенно модернизируется, т. е. критикуется с позиций сегодняшних взглядов на жизнь. В массмедиа аргументация может строиться не только на строго выверенных научных фактах, но и на стереотипах исторической памяти или идеологемах исторической политики, принимаемых за аксиому. Примером может служить расхожий тезис о «советском вторжении» в Прагу [Мозжухин 2018], в то время как события августа 1968 г. на деле представляли собой совместный ввод в Чехословакию войск пяти стран-участниц Организации Варшавского договора [Мурашко 2010; Стыкалин 2020]. Для усиления впечатления «подлинности» медийных версий истории (что среди прочего повышает коммерческую привлекательность продукции СМИ) используются визуализация и другие технологические возможности современных

медиа, подхлестываются эмоции аудитории. Это особенно наглядно демонстрируют журналистские разработки проблематики исторических травм: «Сегодня травма и память представляют собой “модель гарантированного успеха” для медиа. Между тем само явление “свидетельства”, выступающего главным инструментом “всемирной памяти”, было сформировано через институционализацию производства памяти (memory making), осуществленную медиа. Таким образом, господствующая сегодня парадигма травмы была создана в том числе как рыночный продукт» [Сафронова 2020: 181].

Возникает закономерный вопрос: как историческая информация, широко распространяемая массмедиа, соотносится с научной картиной прошлого? Требуется своего решения проблема установления качественных характеристик того или иного языка медийной репрезентации прошлого и определения степени его согласованности с научно-историческими представлениями.

История вопроса

Проблематика освещения истории в СМИ не обделена вниманием исследователей, но пока в этом плане трудно говорить о сложившихся школах и четкой систематизации накопленных наблюдений. Тем не менее можно выделить наметившиеся к настоящему времени векторы изучения исторического медиадискурса.

Для российских ученых основным объектом исследования в данном контексте выступает историческая журналистика как специальная отрасль массмедиа. Основными аспектами научного освоения этой отрасли стали периодизация и характеристика этапов ее развития в связи с эволюцией общественной мысли, типологизация изданий и жанровая структура медиатекстов, посвященных истории, а также их источниковедческий анализ, журналистские подходы к обращению с историческими сведениями [Асташкин 2003; Белковский 2013; Георгиева 2015; Дмитриев 1976; Мохначева 1998; Ущиповский 2008; Ущиповский, Кругликова 2015].

За рубежом, где журналистика почти не рассматривается учеными автономно от остальных медиа [Завадский, Дубина 2021: 102], оформляется новая междисциплинарная область — *media and memory*. Основной предмет ее научного интереса — медийный образ прошлого и его рецепция аудиторией. При этом акцентируется проблематика памяти, а не исторического знания и подчеркивается, что расширение интерактивных возможностей с развитием медийных технологий не может не оказывать влияния на коллективную память, на облик, смысл и восприятие исторической информации, что, в свою очередь, играет существенную роль в процессах конструирования мнений [Dijck 2007; Garde-Hansen 2011; Kitch 2005; 2008; 2018; Neiger, Meyers, Zandberg 2011; Zelizer, Tenenboim-Weinblatt 2014; Zierold 2010].

В целом исследовательские направления в области исторического медиадискурса развиваются все более динамично, но пока в научной литературе не встречается специальных трудов, посвященных речевым вопросам указанной проблематики.

В плане теоретического осмысления общих вопросов функционирования специальной периодики существенное значение имеют труды по типологии отечественных научно-популярных журналов. Исследования в этой области начались

и активно проводились в позднее советское время. После длительного перерыва они возобновились и заметно активизировались в XXI в.

Начальную и самую общую дифференциацию предложил А. В. Панков, подразделявший научно-популярные издания на специализированные и универсальные [Панков 1973]. Э. А. Лазаревич выделила три группы научно-популярных журналов: универсальные (затрагивающие предельно широкую тематику), политематические (по проблематике различных наук) и монотематические (относящиеся к определенной научной отрасли). Исследовательница указала на типологическую самостоятельность научно-популярного журнала, отличного от научной, учебно-методической, научно-технической периодики. Она также обратила внимание на функциональную многозначность научно-популярной журналистики, которая ставит цели мировоззренческого, образовательного и практического характера [Лазаревич 1979; Лазаревич 1981]. А. И. Акопов разработал методику анализа специального (отраслевого) периодического издания на основе его типоформирующих признаков. К первичным признакам исследователем отнесены издающий орган, цель и адресат журнала, к вторичным — авторский состав, внутренняя структура, жанровая специфика, к формальным — оформление, периодичность, объем, тираж [Акопов 1979; 1991].

Трансформация системы периодической печати в постсоветских социокультурных условиях позволила ученым сделать новые наблюдения в области типологии научно-популярной журналистики. М. В. Литке выявила проблему терминологического порядка: она обосновывает необходимость разграничения научно-популярной, научно-познавательной и научно-просветительской журналистики. Исследовательница полагает, что эти обозначения некорректно использовать в качестве синонимов, напротив, следует конкретизировать характеристики стоящих за ними разных групп изданий, обращенных к научной проблематике и адресованных при этом неспециалистам [Литке 2014]. А. Г. Ваганов указал на примечательную тенденцию: современный научно-популярный текст служит не просветительским, а развлекательным задачам [Ваганов 2016]. Отметим, что эта особенность, которая безусловно должна учитываться в типологических исследованиях, пока не нашла отражения в классификационных моделях российской научно-популярной журналистики.

В. А. Парафонова разработала детализированную типологию современных российских научно-популярных периодических изданий, развивая идеи отечественных теоретиков журналистики. В соответствии с основным типобразующим признаком, в качестве которого рассматривается характер информации, научно-популярные журналы поделены на две категории — универсальные (ориентированные на массовую аудиторию и отличающиеся неограниченно широкой тематикой) и специализированные (адресованные специалистам в различных областях знания). В свою очередь, категория специализированных изданий включает в себя подтипы монотематических и политематических журналов, подразделяемых далее на группы и подгруппы по дисциплинарно-отраслевому принципу. Отдельно упоминается не входящий в эту схему тип периодики «псевдонаучно-популярное издание», но без развернутой характеристики, поскольку подобные СМИ остаются за рамками фундаментального научного знания [Парафонова 2016]. Исследовательницей также отмечены «четыре основные функции современных научно-попу-

лярных журналов: информационная — оперативное информирование аудитории, когнитивная — расширение базы теоретических знаний аудитории, прикладная — выработка навыков и умений, основанных на научном знании, коммуникативная — организация общения между приверженцами определенного вида знаний» [Парафонова 2016: 72].

Важным аспектом рассматриваемой проблематики является также вопрос о профессиональных требованиях к научному журналисту и критериях качественного научно-популярного медиатекста, ставший предметом анализа исследовательского коллектива сотрудников факультета журналистики МГУ [Фролова и др. 2016].

При всех наблюдающихся сегодня подвижках в исследовании научно-популярной журналистики, пока вряд ли можно говорить об общепринятой ее типологии и устоявшейся терминологии в этой области. Еще сложнее обстоит дело с более или менее четкой категоризацией массмедиа, обращающихся к истории, поскольку мотивы апелляции к прошлому далеко не всегда связаны с научным дискурсом, а значит при типологизации СМИ необходимо учитывать не только внешние характеристики ресурса, но и характер подачи транслируемой исторической информации в ее сопоставлении с научным знанием.

Описание методики исследования

Тема истории в отражении массмедиа исследуется учеными по большей части через анализ содержания публикаций. Однако много интересного и важного в этой связи могут раскрыть и речевые средства, применяемые в медиатекстах, а также сам характер подачи в них исторической информации в сопоставлении с тем, как принято представлять данные в научных текстах. Исходя из этого, автор настоящей статьи задался целью выявить встречающиеся в современной российской прессе языки репрезентации истории и оценить степень их опоры на научно-исторический базис. Под языком репрезентации здесь понимается совокупность средств выражения мысли и ее оформления в медиатексте.

Материалом для исследования послужили выборочные публикации на тему истории из текущей российской периодической печати (февраль — апрель 2022 г.). В ходе исследования применялся комплексный анализ, включающий лингвистический, типологический, интенциональный, компаративный, контекстовый элементы. При этом учитывались факторы, определяющие специфику языка репрезентации:

- тип издания (научное, научно-популярное — специализированное или мультидисциплинарное, массовое — специализированное или универсальное);
- статус автора публикации (ученый, журналист с образованием или специализацией в области истории, журналист общего профиля, пр.);
- мотивы и цели апелляции к прошлому;
- следование научной традиции при обработке и оформлении данных;
- адресат (экспертное сообщество, просвещенный читатель-дилетант, массовая аудитория).

В задачи исследования не входило выяснение идеологических позиций или историографических версий, представленных в анализируемых текстах. Работа сфокусирована на медийной подаче исторической информации, прежде всего на

интенциях автора, стиле изложения и характере аргументации при осмыслении и объяснении данных.

Анализ материала

Базовой моделью медийного представления актуальной научно-исторической информации служат специализированные научные журналы. Подобные издания предназначены для опубликования результатов новейших исследований. Несмотря на наличие внешних признаков СМИ (свободное публичное распространение, периодичность выхода, государственная регистрация), они составляют достаточно узкий сегмент медиарынка и выпускаются крайне малыми тиражами, поскольку научный журнал адресован прежде всего экспертному сообществу, силами которого он, собственно, и создается.

Материалы, публикуемые в изданиях данного типа, — это научные труды, а не журналистские произведения. Они далеко не всегда связаны с каким-либо злободневным информационным поводом. Их отличают особые требования к содержанию, построению и оформлению текста: демонстрация решения какой-то исследовательской задачи, научный стиль изложения, апелляция к логическому мышлению, а не к эмоциям аудитории, использование специальной терминологии, описание научного аппарата исследования, лежащего в основе публикации, строгая доказательность выдвигаемых положений и доводов, обоснованность и верифицируемость выводов, непреложные ссылки на источники информации с точным их указанием и т. п.

Разумеется, журналистика, как и наука, оперирует фактами и обязана проверять достоверность передаваемых сведений, но публицистическая подача информации заметно отличается от научной. В частности, заголовки научных публикаций обычно напрямую и без тени метафоричности обозначают предмет исследования: *Теневые стороны жизни советского города в 1920–1930 годах* [Лебина 1994: 30]; *Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ» (1860–1870 гг.)* [Волвенко 2014: 12]; *Семантика Опричного дворца и смысл опричнины: к вопросу о системе доказательств в исторической реконструкции* [Данилевский 2017: 29]. Иллюстрации в научных журналах используются не для «оживления» текста, а как необходимый компонент исследования, например без чертежей, планов местности и детальных прорисовок читателю невозможно полноценно представить археологические объекты. Помимо статей, обзоров, рецензий, возможны сообщения о текущей научной жизни, но за пределами соответствующей отрасли знания в таких изданиях, как правило, ничего не обсуждается.

Так, мартовский выпуск журнала «Вестник Томского государственного университета. История» за 2022 г. не содержит никаких откликов на сложившуюся к тому времени обстановку в стране и мире. Актуальность его материалов определяется новизной и научной значимостью отраженных в них результатов исследовательской работы ученых. Затрагиваемая тематика публикаций довольно широка и разнообразна, но связана с профессиональным познанием прошлого: сюжеты из политической, социальной, военной, культурной истории (отечественной и всеобщей), вопросы историографии, источниковедения, методологии истории, проблемы археологии, этнологии, исторической антропологии.

Публикуемые работы имеют однотипную, строго определенную структуру. Каждая статья открывается постановкой проблемы. Автор обозначает, что именно он планировал получить в итоге своих изысканий: *Целью данной статьи является моделирование коллективного портрета руководителей сибирских органов власти конца 1917 — августа 1918 г. — председателей исполнительных комитетов губернских, областных, уездных и городских советов, выступавших в качестве наиболее значимого и представительного сегмента региональной советской властвующей элиты на востоке страны* [Ларьков 2022: 54]. Исследовательские устремления могут быть направлены не только на установление ранее неизвестных сведений, формирование первичных представлений об исторической реальности, но и на пересмотр сложившихся историографических позиций: *Определить, сохраняет ли научную значимость доминирующая в настоящее время в исторической науке гипотеза о причастности князя Владимира и его дружины к масштабной катастрофе, произошедшей в Херсонесе в конце X в., — основная цель данной статьи* [Козлов 2022: 40].

Во вводном разделе также обязательно дается характеристика эмпирических данных: *Для построения любой исторической модели необходима репрезентативная источниковая база. Археологический материал, характеризующий различного рода поселения, фортификации, жилищные, производственные и иные комплексы, материальную и духовную культуру и хозяйственную деятельность древнего и средневекового населения Зауралья, служит надежным основанием для изучения процесса урбанизации этого региона. Письменные источники позднего Средневековья и Нового времени вместе с данными археологии и этнографии позволяют получить сведения о городских поселениях аборигенного населения* [Аношко, Берлина, Цембалюк 2022: 173]. Далее обосновывается методика исследования: *Выделяя в массиве советского дискурса отдельные, значимые с точки зрения смысла и семиотики элементы, можно подвергнуть анализу их содержание-текст (метод контент-анализа), смысл-контекст (дискурс-анализ) и цель создания — интертекст (интент-анализ)* [Шматов 2022: 133].

Основной раздел статьи представляет собой цепь рассуждений исследователя, которая включает описание фактов, логическую аргументацию, доказательства высказываемых утверждений, ссылки на научную литературу, архивные документы и иные источники. Приведем пример с вводом фактических данных: *Впервые Ново-Николаевск столкнулся с эпидемиями в 1909 г., когда городской врач А. А. Станков довел до сведения городской управы, что в августе и сентябре 1909 г. только в одной городской больнице были зарегистрированы около сотни больных брюшным тифом* [24. Л. 9 об.] [Вишневецкий 2022: 21]. Другой пример, раскрывающий доводы автора: *Расправа над частью местной элиты и грабежи жителей Херсонеса могли сопровождаться поджогами и вызвать тотальный пожар в северной и западной частях города. Однако данный факт не объясняет наличия братских могил в некрополях Херсонеса. Люди, захороненные в общих могилах конца X в., не были убиты холодным оружием. Останки людей со следами смертельных боевых травм были обнаружены в единичных случаях* [18. С. 213] [Козлов 2022: 40–41]. При этом все отсылочные наименования оформляются в строгом соответствии с академической традицией и библиографическими регламентами.

В заключительном разделе приводятся выводы, вытекающие из основного содержания исследования: *Таким образом, ачинское купечество, являясь незначи-*

тельной частью населения округа, оказывало сильное влияние на все стороны городской и региональной жизни. Купечество небольших городков Сибири, к которым относятся Ачинск, Минусинск, Канск и даже Енисейск, теряло свою культурную изолированность, социальную и национальную однородность [Бойко 2022: 19].

Стиль изложения в таких статьях научный, достаточно сдержанный, строгий, не предполагающий активного использования средств художественной выразительности, а также присутствия эмоциональных оценок и восклицаний даже при описании ситуаций, которые не могут оставить читателя равнодушным и вдохновили бы журналиста или писателя на весьма драматичное повествование: *Однако в случае с молодоженами семейный конфликт иногда провоцировал бегство молодой жены от мужа. Беглянки отправлялись к родителям, но их возвращали назад и подвергали физическому наказанию (например, по Уставу 1788 г. хори-бурят их полагалось трижды высесть [9. С. 17]). Чтобы избежать подобной экзекуции, в период активного миссионерства (начиная с 1830-х гг.) некоторые бурятки искали защиту у православных священников и принимали христианскую веру [Бадмаев 2022: 143].* В текстах научно-исторических журналов применяется специальная терминология, нередко (хотя и не всегда) более знакомая непрофессиональной аудитории, чем понятия точных и естественных наук: *Если для эпохи поздней бронзы нами зафиксировано 12 городищ, то в раннем железном веке отмечено 70 единиц, а для средневекового периода — 35 [23]. Около половины городищ раннего железного века было оставлено смешанным населением, что свидетельствует о контактах и ассимиляции в среде древнего общества [Аношко, Берлина, Цембалюк 2022: 174].*

Публикации на темы истории в изданиях, адресованных более широкой аудитории, не повторяют описанной выше модели полностью, но могут использовать некоторые ее элементы.

Научно-популярные издания по определению предназначены для популяризации научного знания и реализации просветительской функции журналистики. Довольно распространенной практикой здесь является привлечение к сотрудничеству наряду с журналистами профессиональных ученых в качестве авторов, консультантов, членов редакционных советов. Такие издания адресованы более широкой аудитории, чем научные журналы, насчитывая тиражи в десятки тысяч печатных экземпляров. Их материалы отличает свободная и экспрессивная подача информации. Тем не менее этот тип периодики предполагает некий научный базис контента, хотя степень следования академическим традициям в изложении и оформлении исторических сведений может значительно варьироваться в зависимости от конкретного издания.

К числу старейших и наиболее авторитетных российских изданий такого рода относится журнал «Наука и жизнь», мультидисциплинарный по отраслевому признаку, но среди прочего затрагивающий историческую тематику. Как и в научных журналах, в этом издании не наблюдается жесткой привязки материалов о прошлом к современной общественно-политической обстановке, нет преднамеренного заострения обсуждаемых вопросов в угоду «злобе дня». Авторы статей оперируют историческими фактами, установленными посредством научных штудий, что порой находит прямое подтверждение в тексте. Вместе с тем в целом стиль этих публикаций нельзя назвать строго научным ни в плане внешней формы, ни в смысле речевого выражения.

Разберем конкретные способы использования элементов научного языка в публицистическом тексте на примере статьи из упомянутого журнала. Внешний информационный повод для этой публикации отсутствует. Статья размещена под рубрикой «История в документах». Тема и содержание материала носят прикладной характер (сюжет из истории российской промышленности). Автор текста и иллюстрирующих его фотографий — журналист. Повествование ведется от первого лица, что несвойственно научному стилю: *Москва, Большая Пироговская, 17, Государственный архив древних актов (РГАДА). Недавно я познакомился здесь с делом, хранящимся в фонде № 214 (Сибирский приказ), которое представляет собой рукописный отчет о том, как в начале XVIII века в далекой от Москвы Даурии было положено начало регулярной выплавке отечественного серебра [Мясников 2022: 43]. Читатель погружается в увлекательный и динамичный рассказ, изложенный выразительным и живым языком без сухого наукообразия: Осмотрев местность, Мусин-Пушкин велел пригласить к себе племенных вождей кочевавших близ завода тунгусов и специально для них сварить пива пять пудов да приготовить мяса. Угощения он готовил не просто так, а с расчетом наладить с коренным населением добрососедские отношения и договориться с местными князьками об охране завода [Мясников 2022: 46]. Но в основе журналистского произведения лежат достоверные исторические сведения, причем лично выявленные автором, а не собранные из трудов профессиональных ученых. То есть журналист в популярной форме представил широкой аудитории результаты собственного исследования, а не поверхностную компиляцию. Автор научно-популярной статьи обошелся без множества формальностей, обязательных для научной работы, таких как постановка проблемы, историографический обзор, обоснование методологии, использование сложной терминологии и т. п. Вместе с тем журналист описывает реконструируемые им события и процессы в широком контексте рассматриваемой исторической эпохи, в тексте присутствует источниковедческий анализ эмпирических материалов, все построения автора снабжены ссылками на архивные документы и научную литературу с грамотным описанием реквизитов, причем один из документов публикуется впервые: *О местонахождении предприятия и первых рудников можно судить по перспективному чертежу, приложенному к отчету. Ранее чертеж не привлекал внимания исследователей и никогда не публиковался, хотя он, несомненно, представляет огромный интерес и ценность. Неизвестный автор выполнил его тушью и красками на листе 40,5 × 32 см. Для обозначения гор, окружающих Серебрянку, использовал зигзагообразные линии. Леса, растущие на горах, обозначены схематичными прорисовками деревьев [Мясников 2022: 44–45]. Здесь же размещена фоторепродукция описанного чертежа. В своих рассуждениях журналист оперирует точно установленными фактами, при этом он не ограничивается банальным пересказом источников, но именно проводит исследование: *На этом повествование об их славных делах в архивном отчете заканчивается. Однако по другим документам и литературным данным известно, что на следующий год за работой завода следил уже сын и ближайший помощник Петра Саввича Федор Петрович и выплавил 1 пуд 22 фунта и 36 золотников серебра [Мясников 2022: 49]. Далее дана ссылка на источник приведенных сведений, оформленная в соответствии с официальным стандартом библиографического описания.***

Элементы научного стиля используют и специализированные исторические научно-популярные издания. Нетривиальный способ сохранения баланса между научностью содержания и массмедийным языком изложения применяется в журнале «Родина». Здесь публикуются и журналистские, и научно-исследовательские, и архивные материалы (в том числе документы, ранее не вводившиеся в научный оборот), посвященные самым разным аспектам отечественной истории. Одна из постоянных рубрик, «Научная библиотека Родины», сопровождается пояснением: «Этот редакционный раздел — для тех, кто профессионально интересуется историей». Статьи, включенные в раздел, в отличие от материалов других рубрик, представляют результаты самостоятельных исследований, а не просто популяризуют уже известное науке знание. Они снабжены ссылками на источники и литературу, что отвечает высоким квалификационным требованиям и позволило журналу «Родина» войти в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК РФ. Тем не менее стиль публикаций журнала трудно назвать строго научным. Вне зависимости от рубрики, в которой размещен материал, в целом эти публикации отличают гармоничное сочетание глубокой проработки исследуемого вопроса и легкой для восприятия подачи информации, основательность научного фундамента и простой, не перегруженный специальной лексикой и теоретическими построениями язык.

Рассмотрим одну из статей научного раздела. В ее основе лежит исследование, проведенное автором публикации, доктором исторических наук, по гранту РФФИ. Оно опирается на солидный корпус источников, ссылки на которые оформлены в соответствии с академическими требованиями. В центре внимания исследователя — серьезная социально-политическая проблема несовершенства системы правосудия в дореволюционной России. При этом заголовок статьи совершенно не характерен для научной работы и явно призван привлечь внимание не столько профессионалов, сколько широкой публики: *Собака лает — следствие идет* [Крестьянников 2022: 130]. Описание научного аппарата исследования в тексте отсутствует. Акцент ставится не на аналитических выкладках (содержащихся в статье, но затушеванных), а на пересказе любопытных, порой анекдотических случаев из следственной практики. В частности, приводится фантазмагорическая история о «трупном круговороте», иллюстрирующая весьма распространенный некогда способ тайного избавления от случайно обнаруженных останков неустановленных лиц, типичный для сибирских деревень вплоть до конца XIX в., поскольку власти вменяли местным жителям в тягостную обязанность собственными силами и средствами обеспечивать сохранность тела, пока велось расследование обстоятельств смерти. При всей своей чудовищности описанное происшествие в изложении автора статьи напоминает комедию положений: *В летописях сибирского абсурда запечатлелось «Дело о хождении мертвого тела по Березовскому краю». Как-то раз на волостной окраине жители одной северной деревни Тобольской губернии обнаружили труп. Чтобы избежать неприятностей и следственной волокиты, было принято решение перетащить мертвеца на землю близлежащей волости. Соседи, однако, не зевали и при осмотре своей территории нашли неприятный сюрприз. Вернуть тело на место не удалось, поскольку избавившиеся от обузы расставили караулы. Тогда крестьяне обеих волостей достигли согласия и перенесли труп в третью волость, откуда он продолжил перемещение дальше, в конце концов вернувшись туда, где был обнаружен впервые* [Крестьянников 2022: 131]. Популярная подача исто-

рической информации ни в коем случае не обесценивает научных результатов, полученных автором, не дает повода усомниться в высоком качественном уровне проведенного им исследования, но стилистические характеристики текста определяются типом издания и спецификой аудитории, которой адресована публикация. В данном случае, несмотря на название рубрики и индексацию материала в научной базе, перед нами публицистическое повествование, которое включает в себя лишь отдельные элементы научного языка, преимущественно в части оформления ссылок. В статье для научного журнала та же информация подавалась бы иначе — раскрывались бы концептуальные и методологические вопросы исследования, основное внимание уделялось бы анализу фактов и причинно-следственных связей изучаемого общественного явления, иллюстративные примеры излагались бы сугубо информативно, без особой экспрессии, в целом стиль речи был бы более строгим и официальным.

На эмоциональный, а не только на интеллектуальный отклик читателя рассчитаны и тексты собственно публицистических рубрик журнала «Родина». Приведем фрагмент статьи, автором которой является журналист: *Два Александра — Николаевич с Ивановичем — по-хозяйски свысока или издали окидывали взорами Россию. К Лондону выстраивалась очередь. Кто уговаривать, кто исповедаться, кто выведать, а кто и за автографом. Приехал даже давний — с тех пор как Михаил Бакунин застукал его с Огарёвской женой, — неприятель Михаил Катков, теперь уже редактор «Русского вестника». Приятные слова Каткова зафиксированы Герценом в «Былом и думах»: Михаил Никифорович заверил, что «Колокол» — власть [Вирабов 2022: 64].* Рассказчик хорошо владеет темой, оперирует фактами, ссылается на источники, пусть и без строгого их библиографического описания, размышляет о сложных общественных процессах прошлого. И все же перед нами не исследовательская разработка, не обнародование ранее неизвестных науке сведений, а популяризация, публицистика, демонстрирующая эрудицию автора в области истории. Стиль изложения здесь близок к разговорному, временами даже немного развязный. Повествование увлекательно и иронично. Но нельзя не отметить в то же время, что оно предпослано не массовой аудитории, а просвещенной публике — требуется определенный уровень познаний, для того чтобы вникнуть в суть обсуждаемой проблемы.

В специализированной научно-популярной периодике встречается и иной подход к подаче исторической информации: внешне сухое наукообразное изложение, нередко с использованием терминологии, но без оформления ссылок на источники при упоминании фактических данных или цитировании. Такой язык медийной презентации истории можно назвать квазинаучным. Им отмечены, к примеру, многие материалы журнала «Историк». В числе его сотрудников есть научный редактор, в авторский состав входят в основном профессиональные ученые, поэтому не приходится сомневаться в достоверности и качественной проработке транслируемых им сведений. Однако цели издания сугубо просветительские, задача авторов — популяризация исторического знания, а не обнародование результатов оригинальных исследований. Статьи журнала предназначены для мыслящего и знающего читателя, но носят публицистический, а не научный характер по содержанию и формату. При этом тон публикаций довольно сдержанный, не допускающий экзальтированных восклицаний, речевые средства скупые, без беллетризации

и ярких приемов художественной выразительности, задача автора — изложить достоверные сведения и дать им взвешенную оценку, логичное и не противоречащее современным научным взглядам объяснение: *В ходе общего наступления в январе — апреле неприятель был отброшен от Москвы на 100–200 км. Однако целей, поставленных ставкой ВГК, не удалось достичь ни на одном из стратегических направлений. Сказался недостаток сил, средств и боевого опыта. Несмотря на относительно скромные результаты наступательных операций, в приказе наркома обороны Иосифа Сталина № 130 от 1 мая перед Красной армией вновь ставилась явно непосильная задача — «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев»* [Назаров 2022: 8]. Заметим, что процитированный в тексте источник не снабжен описанием выходных данных или архивных реквизитов.

Научно-популярные журналы можно отнести к изданиям для любителей интеллектуального досуга. Они нацелены на реализацию прежде всего просветительской и отчасти развлекательной функций журналистики.

Совсем другой уровень дискурса о прошлом демонстрируют специализированные исторические издания, адресованные массовой аудитории, т.е. публике, гораздо более широкой, чем круг просвещенных дилетантов. Тиражи некоторых из них достигают ста тысяч экземпляров. К этому типу периодики неприменимо определение «научно-популярное издание». Просветительские интенции если и присутствуют в его функционировании, то никак не преобладают. Скорее это досуговые журналы и газеты рекреативно-развлекательного плана, бульварное чтение. Они предлагают разнообразную, даже пеструю, тематику, связанную с прошлым. Серьезные вопросы политической, военной, культурной истории перемежаются с историческими курьезами, пикантными биографическими эпизодами, сюжетами криминального и мистического толка. Признаки научного редактирования публикаций, а зачастую и хоть какой-нибудь профессиональной компетентности их авторов в области истории здесь отсутствуют.

Результатом журналистского творчества становится не столько популяризация знания, сколько его примитивизация. Историческая информация в таких изданиях подается довольно увлекательно, но предельно упрощенно, поверхностно, без ссылок на источники, порой в наивной и весьма произвольной интерпретации. Приводятся данные, в лучшем случае почерпнутые из школьных учебников, а нередко и попросту околосторические сведения, не представляющие подлинного научного интереса, но любопытные для обывателя. Встречаются и утверждения, которые лишь выдаются за факты, не являясь таковыми в действительности. Речь в данном случае идет не о сознательном искажении данных, не о фальсификациях, а о заблуждениях не слишком подкованного в науке о прошлом журналиста, чье историческое сознание не выходит за пределы обыденного уровня. Стиль изложения в материалах массовой специализированной периодики самый простой, доходчивый, с элементами разговорной речи, без глубокой аналитики.

Возьмем для примера статью об истории династии Рюриковичей, опубликованную в одном из подобных изданий. Материал претенциозно размещен под рубрикой «Историческое расследование», хотя никаких примет аналитического исследования или поиска ранее неизвестных данных в нем не обнаруживается. Автор вводит читателя в суть вопроса бесхитростно, не перегружая свое повествование

теоретическими построениями и изъясняясь довольно инфантильным языком: *Кто и как правил на Руси до Рюриковичей, толком неизвестно. Видимо, не все было тихо и гладко, иначе зачем новгородцам понадобилось звать варягов? Ясно одно: ни о каких династиях говорить не приходится* [Шаров 2022: 4]. В рассуждениях журналиста нет опоры на профессиональное историческое знание даже на школьном уровне: ни слова об устройстве древнерусского общества, изживавшего родоплеменные отношения и находившегося на пороге государственности, о характере системы общественного управления в ту пору, складывании механизмов публичной власти, не поясняется, что призвание варягов-наемников на княжение было распространенной практикой в Европе тех времен, хотя все это давно описано в научной и учебной литературе.

Аргументация в дальнейших построениях «расследователя» рассчитана на самую несведущую публику, не способную уловить подмены фактов и смещения смысловых акцентов: *В 862 году новгородским князем стал Рюрик, положивший начало не только Русскому государству, но и правящей династии. По крайней мере, этой версии отдает предпочтение большинство историков; споры вызывает главным образом происхождение Рюрика* [Шаров 2022: 4]. Привлекая внимание к надуманной «загадке» генезиса первой правящей династии на Руси, автор подает как аксиому мысль об основании Рюриком Русского государства. Между тем, согласно научным представлениям, формирование государственности — это продукт длительного и объективного процесса внутреннего развития общества, а не одномоментный акт, свершаемый чьей-то индивидуальной волей, и не внешнее установление. Свои тезисы автор пытается обосновать мнением «большинства историков», при этом не упоминая ни имен ученых, ни их трудов. Фактически здесь применяется манипулятивная уловка — психологический прием свехобобщения при ссылке на некий безусловный и якобы не требующий подтверждений авторитет. Понятно, что просвещенного читателя такая логика не убедит.

Наряду с точно установленными данными автор статьи оперирует стереотипами обыденного сознания: *Но именно правление Ивана Грозного стало последним актом драмы Рюриковичей. Двое его сыновей умерли в младенчестве, еще одного он в припадке гнева убил сам* [Шаров 2022: 7]. Вопреки расхожему мнению, причины смерти царевича Ивана доподлинно не выяснены, современная наука не располагает неопровержимыми доказательствами убийства Иваном Грозным своего сына. Но журналист либо не стал перепроверять широко распространяемую им информацию, либо не счел нужным опровергать представления, традиционно сложившиеся в массовой исторической памяти.

Несмотря на наличие в рассматриваемом журналистском материале отдельных достоверных исторических сведений, в целом оно не имеет под собой серьезной научной основы, не транслирует и не популяризирует подлинного знания, не дает просветительского эффекта. Его назначение — обеспечить аудитории легкое чтение на досуге. Можно утверждать, что демонстрируемый массовыми специализированными изданиями язык репрезентации истории внеаучен по форме, содержанию и цели создания медиатекста.

Дискурс минувшего активно эксплуатируется и в универсальных СМИ (качественных и массовых), причем обнаруживая свою специфику подачи исторической информации. При всем тематическом, жанровом, стилистическом, интенционном

разнообразии журналистских материалов обращение к истории в таких изданиях чаще всего связано с актуальным информационным поводом и нередко предполагает выстраивание прямых параллелей между прошлым и настоящим. Например, вышедшей в разгар конфликта на Украине публикации, посвященной советско-финской войне, предпослан такой лид: *Нынешнюю ситуацию в Незалежной можно сравнить с событиями конца 1930-х гг.* [Добровольский 2022]. СМИ универсального содержания непременно откликаются на различные памятные даты, юбилеи исторических персон и событий.

В медиатекстах такого рода используются в той или иной степени все упоминавшиеся выше медийные подходы к подаче исторической информации. Но наряду с ними в универсальной периодике встречается и язык, нехарактерный для научных, научно-популярных и специализированных массовых изданий. Его можно назвать псевдонаучным. Внешне такой подход создает впечатление вполне компетентного разговора на темы истории. Его отличительные черты — сдержанный тон, убедительная аргументация, строгая доказательность выдвигаемых положений, использование специальной терминологии, оперирование точно установленными фактами (что подтверждается ссылками на источники, научную литературу, экспертное мнение профессиональных историков). Но истинное назначение медиатекста при этом заключается не в трансляции и популяризации знания, а в воздействии с помощью исторической информации на массовое сознание, формировании определенного общественного мнения по вопросам, не имеющим отношения к науке. Поэтому сведения подаются не вполне объективно: подчеркивается то, что отвечает идейной позиции, которую отстаивает автор публикации, и затушевывается то, что этой позиции противоречит. Необязательно для этого подтасовывать данные — достаточно замалчивать факты, не принимать во внимание доводы оппонентов. Особенно часто к подобным приемам прибегают в пропагандистских целях.

Обратимся к конкретному примеру. Журналистка реконструирует многовековой процесс складывания обширной территории Российской империи, а позже Советского Союза, населенной множеством разных народов. Автор хорошо владеет темой, знает фактический материал, корректно разъясняет факторы описываемых исторических процессов, привлекает научно-теоретические концепции, подкрепляет свои суждения авторитетным мнением ученых, цитируя их труды и приводя выдержки из экспертных интервью. В статье используется специальная лексика: *феодалная раздробленность, политический капитал, удельно-княжеский тип власти, мягкая сила, модернизация* [Смирнова 2022]. Автор даже предпринимает попытку сравнительно-исторического анализа, сопоставляя отечественный опыт с зарубежным: *Россия никогда не втягивала в себя периферию под знаменами национальной идеи или соблазняя ее особенным жизненным стилем, как это не без успеха удавалось США на излете прошлого столетия. Напротив, обеспечить единство в многообразии и осуществить колонизацию без эксцессов ассимиляции — так можно описать базовую идею или, если угодно, мечту распространения Российского государства* [Смирнова 2022]. Характер изложения взвешенный, спокойный, рассудительный.

Но все это лишь маскирует одностороннюю трактовку сложного, неоднозначного процесса. Россия ловко преподносится как цивилизационный донор, объединяющий вокруг себя племена и земли не силой оружия, а исключительно

дипломатическими и культурными средствами. Автор избегает неудобной информации о проблемах во взаимоотношениях российского центра с национальными окраинами и в то же время однозначно негативно оценивает колониционную политику Запада. Журналистка не допускает откровенных искажений и фальсификаций истории, но подает ее в определенном ключе, расставляя нужные акценты и не оставляя места для полемики.

При всей основательности проработки материала такой подход к подаче исторической информации далек от эвристичности и просветительства. Научная объективность и познавательные потребности аудитории смещаются на периферию журналистского внимания, вытесняются задачей поддержки определенной идеологической позиции. Подчеркивает пропагандистские интенции статьи информационный повод, с которым связана ее публикация, — официальное признание Российской Федерацией Донецкой и Луганской Народных Республик, а также рубрика, в которой размещен этот материал — «Тема номера: Что может дать Россия».

Результаты исследования

Анализ текущих материалов прессы показал, что историческая тематика в самых разных ее ракурсах и модусах является предметом постоянного внимания СМИ. Медиадискурс о прошлом так или иначе соотносится с данными исторической науки. Степень приближения конкретных материалов СМИ к уровню профессионального знания в этой области зависит от ряда факторов — типа издания, информационных запросов аудитории, компетентности автора публикации, мотивов его апелляции к истории и пр.

Совокупность этих факторов определяет тот или иной подход к подаче исторической информации в медиатексте, иными словами, язык медийной репрезентации истории. Научный язык используется прежде всего в специализированной периодике академического назначения, его элементы — в научно-популярной журналистике, реже — в изданиях универсального содержания. Квазинаучный язык распространен в научно-популярных массмедиа. Внеаучный язык характерен для массовых досуговых изданий. Псевдонаучный язык применяется в медиатекстах, привлекающих профессиональное историческое знание для решения конъюнктурных задач, внеположных когнитивным функциям журналистики (например, для обоснования определенных политико-идеологических позиций).

Охарактеризованные выше медийные языки репрезентации истории редко встречаются в рафинированном виде (скажем, в журналах, специально предназначенных для обнародования результатов исследований, единственно возможным является строго научный стиль подачи информации). Как правило, в медиатексте присутствуют различные комбинации тех или иных стиливых компонентов, вкрапленных в общее публицистическое повествование.

Выводы

Апелляция к историческому прошлому в современном российском медиадискурсе далеко не всегда детерминируется сугубо когнитивными задачами. Наряду с целями популяризации науки и просвещения широкой аудитории медиатексты

на темы истории могут использоваться для реализации развлекательных, идеологических, коммуникативных и других функций журналистики. Тем не менее степень достоверности исторической информации, транслируемой в СМИ, вне зависимости от внешних характеристик языка ее медийной репрезентации определяется именно соответствием содержания журналистского материала научно-историческому знанию.

Научная когерентность медиатекста способствует качественной подаче исторических сведений, не допускающей подмены подлинно экспертного мнения его имитациями, что в конечном итоге не только углубляет познания аудитории СМИ в области истории, но и нейтрализует манипулятивный потенциал спекулятивного медиавоздействия на массовое сознание и служит барьером для aberrаций исторической памяти и деформаций цивилизационной идентичности общества.

Литература

- Акопов, А. И. (1979). *Типология советских научно-технических журналов*. Дис. ... канд. филол. наук. Москва.
- Акопов, А. И. (1991). *Специальные журналы. Методология. История. Типология*. Дис. ... д-ра филол. наук. Киев.
- Асташкин, Д. Ю. (2003). Исторический дискурс в региональной медиасфере (на примере Новгородской области). *Вестник Новгородского государственного университета*, 73, 6–9.
- Белковский, С. В. (2013). Использование исторических материалов в современной газетной публицистике. *Медиаскоп*, 2. Электронный ресурс <http://www.mediascope.ru/node/1368>.
- Ваганов, А. Г. (2016). Закономерности исторической динамики научно-популярного жанра. *Наука и школа*, 1, 162–168.
- Георгиева, Н. Г. (2015). *Русская историческая журналистика*. Москва; Берлин: Директ-Медиа.
- Дмитриев, С. С. (1976). Источниковедение русской исторической журналистики (постановка темы и проблематика). В Н. И. Павленко (Ред.), *Источниковедение отечественной истории* (с. 272–305). Москва: Наука.
- Завадский, А., Дубина, В. (Ред.). (2021). *Все в прошлом: теория и практика публичной истории*. Москва: Новое издательство.
- Зверева, В. В. (2004). История на ТВ: конструирование прошлого. *Отечественные записки*, 5, 160–168.
- Курилла, И. (2022). *Битва за прошлое: как политика меняет историю*. Москва: Альпина Паблишер.
- Лазаревич, Э. А. (1979). Научно-популярный журнал как тип издания. *Вестник Московского университета*, 1, 11–20.
- Лазаревич, Э. А. (1981). *Популяризация науки в России*. Москва: Изд-во МГУ.
- Литке, М. В. (2014). Научно-популярные и научно-познавательные журналы: проблема типологической классификации. *Журналистский ежегодник*, 3, 59–65.
- Мохначева, М. П. (1998). *Журналистика и историческая наука*. Москва: РГГУ.
- Мурашко, Г. П. (Ред.). (2010). *1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива*. Москва: РОССПЭН.
- Мысливец, Н. Л. (2022). Концепт культурно-исторической памяти в современном социогуманитарном дискурсе. В Л. Р. Дускаева, А. А. Малышев (Ред.), *Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: материалы VI международной научной конференции (Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2022 г.)* (с. 425–428). Санкт-Петербург: Медиапапир.
- Панков, А. В. (1973). *Популяризация науки в периодической печати (на материале литературно-общественно-политических журналов)*. Дис. ... канд. филол. наук. Москва.
- Парафонова, В. А. (2016). *Научно-популярные журналы в структуре современных СМИ: типологические и профильные особенности*. Дис. ... канд. филол. наук. Тверь.
- Сафронова, Ю. А. (2020). *Историческая память: введение*. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге.
- Стыкалин, А. С. (2020). Пражская весна 1968 г. и разногласия в социалистическом лагере. *Славянский мир в третьем тысячелетии*, 1–2 (15), 89–107.

- Ущиповский, С. Н. (2008). *Русская историческая периодика 1861–1917 годов*. Санкт-Петербург: Роза мира.
- Ущиповский, С. Н., Кругликова, О. С. (2015). *Российская историческая журналистика*. Москва; Берлин: Директ-Медиа.
- Фролова, Т. И., Суворова, С. П., Ильченко, Д. С., Бугаева, А. С. (2016). К проблеме качества текстов научно-популярной проблематики в средствах массовой информации. *Вопросы теории и практики журналистики*, 2 (5), 233–246.
- Conboy, M. (Ed.). (2012). *How Journalism Uses History*. London: Routledge.
- Dijk, J. van (2007). *Mediated Memories in the Digital Age*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Edy, J. (1999). Journalistic Uses of Collective Memory. *Journal of Communication*, 2 (49), 71–85.
- Garde-Hansen, J. (2011). *Media and Memory*. Edinburg: Edinburg University Press.
- Hirsch, H. (1995). *Genocide and the Politics of Memory: Studying Death to Preserve Life*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Hoskins, A. (Ed.). (2018). *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition*. New York: Routledge.
- Kitch, C. (2005). *Pages from the Past. History and Memory in American Magazines*. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press.
- Kitch, C. (2008). Placing Journalism Inside Memory — and Memory Studies. *Memory Studies*, 1 (3), 311–320.
- Kitch, C. (2018). Journalism as Memory. In T. P. Vos (Ed.), *Handbook of Communication Science* (pp. 164–181). Berlin: Mouton de Gruiter.
- Neiger, M., Meyers, O., Zandberg, E. (Eds). (2011). *Collective Memory in a New Media Age*. London: Palgrave Macmillan.
- Wijermars, M. (2018). *Memory Politics in Contemporary Russia: Television, Cinema and the State*. London; New York: Routledge.
- Zelizer, B., Tenenboim-Weinblatt, K. (Eds). (2014). *Journalism and Memory*. London: Palgrave Macmillan.
- Zierold, M. (2010). Memory and Media Cultures. In A. Erll, A. Nünning (Eds), *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* (pp. 339–409). Berlin; New York: De Gruiter.

Источники

- Аношко, А. М., Берлина, С. В., Цембалюк, С. И. (2022). К проблеме зауральской урбанизации: генезис, развитие и функции городских структур. *Вестник Томского государственного университета*, 75, 172–181.
- Бадмаев, А. А. (2022). Конфликты и механизмы их регулирования в бурятском обществе XVIII–XIX веков. *Вестник Томского государственного университета*, 75, 141–147.
- Бойко, В. П. (2022). Социально-экономическая история города Ачинска и местное купечество. *Вестник Томского государственного университета*, 75, 15–19.
- Виравов, И. (2022). «Кто виноват» против «Что делать». Во имя чего либерал Герцен расправился с демократом Чернышевским. *Родина*, 4, 62–67.
- Вишневский, С. О. (2022). Тифозная эпидемия в Новониколаевске летом 1918 — осенью 1919 г. *Вестник Томского государственного университета*, 75, 20–29.
- Волвенко, А. А. (2014). Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ» (1860–1870 гг.). *Известия Самарского центра РАН*, 3 (16), 12–20.
- Данилевский, И. Н. (2017). Семантика Опричного дворца и смысл опричнины: к вопросу о системе доказательств в исторической реконструкции. *Вестник Томского государственного университета*, 48, 29–37.
- Добровольский, А. (2022). Украина карельских болот. *МК в Питере*, 23–29 марта, № 13 (1518).
- Козлов, М. Н. (2022). К вопросу о причастности князя Владимира и его дружины к масштабной катастрофе конца X в. в Херсонесе. *Вестник Томского государственного университета*, 75, 39–44.
- Крестьянников, Е. (2022). Собака лает — следствие идет. Из практики расследований причудливых преступлений в дореволюционной Сибири. *Родина*, 3, 130–133.
- Ларьков, Н. С. (2022). Властвующая элита Сибири в период «первой советской власти» (октябрь 1917 — август 1918 г.). *Вестник Томского государственного университета*, 75, 53–62.
- Лебина, Н. Б. (1994). Теневые стороны жизни советского города в 1920–1930 годах. *Вопросы истории*, 2, 30–42.

- Мозжухин, А. (2018). «Они решили, что кровавая часть истории позади». Брежнев раздавил танками Чехословакию, но в итоге угробил Советский Союз. *Lenta.ru*, 21 августа. Электронный ресурс www.lenta.ru/articles/2018/08/21/1968/.
- Мясников, А. (2022). Русское серебро. Начало. *Наука и жизнь*, 4, 42–49.
- Назаров, О. (2022). Трагический сорок второй. *Историк*, 3 (87), 7–14.
- Смирнова, Е. (2022). Почему Россия такая большая. *Культура*, 24 февраля.
- Шаров, Б. (2022). Гибель династии. *Тайны XX века. Русская история*, 3 (57), 4–7.
- Шматов, М. Ю. (2022). Модерность и модернизация: институты, практики и образы в Западной Сибири (1934–1939 гг.). *Вестник Томского государственного университета*, 5, 131–140.

Статья поступила в редакцию 25 февраля 2022 г.;
рекомендована к печати 4 августа 2022 г.

Контактная информация:

Воскресенская Марина Аркадьевна — д-р ист. наук, доц.;
marina3010@ngs.ru, m.voskresenskaya@spbu.ru

Historical information in the modern Russian press: Languages of representation

M. A. Voskresenskaya

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Voskresenskaya M. A. (2022). Historical information in the modern Russian press: Languages of representation. *Media Linguistics*, 9 (4), 288–308.
<https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.401> (In Russian)

The article examines the languages of media representation of history, which are understood as approaches to the presentation of historical information found in the modern Russian periodical press. An original classification of such approaches is proposed, including scientific, quasi-scientific, extra-scientific, pseudoscientific languages of representation. Each of them, as a set of means of expressing thought and its design in the media text, is subjected to a comprehensive analysis using linguistic, typological, intentional, comparative, contextual components in order to assess the degree of their reliance on a scientific and historical basis. The need for such an analysis is caused by the fact that the media discourse of history is not limited to the popularization of scientific historical knowledge, but the criterion for the reliability of historical information transmitted through the media is its scientific validity, regardless of the external form of representation. The objectives of the study were not to clarify the ideological positions or historiographical versions presented in the analyzed texts. The work focuses on the media presentation of historical information, primarily on the author's intentions, style of presentation and the nature of argumentation in the comprehension and explanation of data. The material for the study was selected publications on the topic of history from the current Russian periodical press (February — April 2022). The dependence of the characteristics of the language of representation on the type of publication, the professional status of the author of the publication, the motives of his appeal to history and a number of other factors is shown. It is concluded that in practice a single approach in its full-scale format is rarely used. As a rule, in the media text it is possible to identify elements of various languages of the representation of history in various combinations with the dominance of the general journalistic style of presentation.

Keywords: media discourse of history, scientific historical knowledge, media representation languages, media text, periodicals.

References

- Akopov, A. I. (1979). *Typology of Soviet scientific and technical journals*. PhD thesis. Moscow. (In Russian)
- Akopov, A. I. (1991). *Special magazines. Methodology. History. Typology*. Doctor thesis. Kiev. (In Russian)
- Astashkin, D. Iu. (2003). Historical discourse in the regional media sphere (on the example of the Novgorod region). *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 73, 6–9. (In Russian)
- Belkovskii, S. V. (2013). The use of historical materials in modern newspaper journalism. *Mediaskop*, 2. Retrieved from <http://www.mediascope.ru/node/1368>. (In Russian)
- Conboy, M. (Ed.). (2012). *How Journalism Uses History*. London: Routledge.
- Dijck, J. van (2007). *Mediated Memories in the Digital Age*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Dmitriev, S. S. (1976). Source studies of Russian historical journalism (Setting the topic and problems). In N. I. Pavlenko (Ed.), *Istochnikovovedenie otechestvennoi istorii* (pp. 272–305). Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Edy, J. (1999). Journalistic Uses of Collective Memory. *Journal of Communication*, 2 (49), 71–85.
- Frolova, T. I., Suvorova, S. P., Il'chenko, D. S., Bugaeva, A. S. (2016). On the problem of the quality of texts of popular science issues in the mass media. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistikii*, 2 (5), 233–246. (In Russian)
- Garde-Hansen, J. (2011). *Media and Memory*. Edinburg: Edinburg University Press.
- Georgieva, N. G. (2015). *Russian Historical Journalism*. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ. (In Russian)
- Hirsch, H. (1995). *Genocide and the Politics of Memory: Studying Death to Preserve Life*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Hoskins, A. (Ed.). (2018). *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition*. New York: Routledge.
- Kitch, C. (2005). *Pages from the Past. History and Memory in American Magazines*. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press.
- Kitch, C. (2008). Placing Journalism Inside Memory — and Memory Studies. *Memory Studies*, 1 (3), 311–320.
- Kitch, C. (2018). Journalism as Memory. In T. P. Vos (Ed.), *Handbook of Communication Science* (pp. 164–181). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Kurilla, I. (2022). *The Battle for the Past: How politics changes History*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian)
- Lazarevich, E. A. (1979). Popular science magazine as a type of publication. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 1, 11–20. (In Russian)
- Lazarevich, E. A. (1981). *Popularization of science in Russia*. Moscow: Moscow University Press. (In Russian)
- Litke, M. V. (2014). Popular science and scientific and educational journals: the problem of typological classification. *Zhurnalistskii ezhegodnik*, 3, 59–65. (In Russian)
- Mokhnacheva, M. P. (1998). *Journalism and Historical Science*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ. (In Russian)
- Murashko, G. P. (Ed.). (2010). 1968. “Prague Spring”. *Historical retrospective*. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian)
- Myslivets, N. L. (2022). The concept of cultural and historical memory in modern socio-humanitarian discourse. In L. R. Duskaeva, A. A. Malyshev (Eds), *Medialingvistika. Vyp. 9. Iazyk v koordinatakh massmedia: materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 30 iunია — 2 iulia 2022 g.)* (pp. 425–428). St Petersburg: Mediapapir Publ. (In Russian)
- Neiger, M., Meyers, O., Zandberg, E. (Eds). (2011). *Collective Memory in a New Media Age*. London: Palgrave Macmillan.
- Pankov, A. V. (1973). *Popularization of science in the periodical press (based on the material of literary, socio-political journals)*. PhD thesis. Moscow. (In Russian).
- Parafonova, V. A. (2016). *Popular science journals in the structure of modern media: typological and profile features*. PhD thesis. Tver'. (In Russian)
- Safronova, Iu. A. (2020). *Historical memory: an introduction*. St Petersburg: European University at St Petersburg Publ. (In Russian)
- Stykalin, A. S. (2020). The Prague Spring of 1968 and the differences in the socialist camp. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, 1–2 (15), 89–107. (In Russian)
- Ushchipovskii, S. N. (2008). *Russian historical periodicals of 1861–1917*. St Petersburg: Roza mira Publ. (In Russian)
- Ushchipovskii, S. N., Kruglikova, O. S. (2015). *Russian Historical Journalism*. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ. (In Russian)

- Vaganov, A. G. (2016). Patterns of historical dynamics of the popular science genre. *Nauka i shkola*, 1, 162–168. (In Russian)
- Wijermars, M. (2018). *Memory Politics in Contemporary Russia: Television, Cinema and the State*. London; New York: Routledge.
- Zavadskii, A., Dubina, V. (Eds). (2021). *Everything is in the past: Theory and Practice of Public History*. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ. (In Russian)
- Zelizer, B., Tenenboim-Weinblatt, K. (Eds). (2014). *Journalism and Memory*. London: Palgrave Macmillan.
- Zierold, M. (2010). Memory and Media Cultures. In A. Erll, A. Nünning (Eds), *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* (pp. 339–409). Berlin; New York: De Gruyter.
- Zvereva, V. V. (2004). History on TV: Constructing the Past. *Otechestvennye zapiski*, 5, 160–168. (In Russian)

Sources

- Anoshko, A. M., Berlina, S. V., Tsembaliuk, S. I. (2022). On the problem of Trans-Ural urbanization: genesis, development and functions of urban structures. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 75, 172–181. (In Russian)
- Badmaev, A. A. (2022). Conflicts and mechanisms of their regulation in the Buryat society of the 18th–19th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 75, 141–147. (In Russian)
- Boiko, V. P. (2022). Socio-economic history of the city of Achinsk and local merchants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 75, 15–19. (In Russian)
- Danilevskii, I. N. (2017). Semantics of the Oprichnina Palace and the meaning of the Oprichnina: on the issue of the system of evidence in historical reconstruction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 48, 29–37. (In Russian)
- Dobrovol'skii, A. (2022). Ukraine Karelian marshes. *MK v Pitere*, March 23–29, no. 13 (1518). (In Russian)
- Kozlov, M. N. (2022). On the question of the involvement of Prince Vladimir and his squad in the large-scale disaster of the late tenth century in Chersonesos. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 75, 39–44. (In Russian)
- Krest'iannikov, E. (2022). The dog barks — the investigation is underway. From the practice of investigating bizarre crimes in pre-revolutionary Siberia. *Rodina*, 3, 130–133. (In Russian)
- Lar'kov, N. S. (2022). The ruling elite of Siberia during the period of the “first Soviet power” (October 1917 — August 1918). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 75, 53–62. (In Russian)
- Lebina, N. B. (1994). The shadow sides of the life of the Soviet city in 1920–1930. *Voprosy istorii*, 2, 30–42. (In Russian)
- Mozzhukhin, A. (2018). “They decided that the bloody part of the story was over.” Brezhnev crushed Czechoslovakia with tanks, but eventually destroyed the Soviet Union. *Lenta.ru*, August 21. Retrieved from www.lenta.ru/articles/2018/08/21/1968/. (In Russian)
- Miasnikov, A. (2022). Russian silver. Beginning. *Nauka i zhizn'*, 4, 42–49. (In Russian)
- Nazarov, O. (2022). Tragic forty-second. *Istoriik*, 3 (87), 7–14. (In Russian)
- Sharov, B. (2022). The death of the dynasty. *Tainy KhKh veka. Russkaia istoriia*, 3 (57), 4–7. (In Russian)
- Shmatov, M. Iu. (2022). Modernity and Modernization: Institutions, Practices and Images in Western Siberia (1934–1939). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5, 131–140. (In Russian)
- Smirnova, E. (2022). Why Russia is so big. *Kul'tura*, February 24. (In Russian)
- Virabov, I. (2022). “Who is to blame” versus “What to do.” In the name of what the liberal Herzen dealt with the Democrat Chernyshevsky. *Rodina*, 4, 62–67. (In Russian)
- Vishnevskii, S. O. (2022). Typhoid epidemic in Novonikolaevsk in summer 1918 — autumn 1919. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 75, 20–29. (In Russian)
- Volvenko, A. A. (2014). Don Cossacks in government policy of the era of “Great Reforms” (1860–1870). *Izvestiia Samarskogo tsentra RAN*, 3 (16), 12–20. (In Russian)

Received: February 25, 2022

Accepted: August 4, 2022

Author's information:

Marina A. Voskresenskaya — Dr. Sci. in History, Associate Professor;
marina3010@ngs.ru, m.voskresenskaya@spbu.ru